

избавить, наконец, Россию от худшего ее проклятия и создать новую социалистическую партию.

Не все такъ въ жизни складывается, какъ мечтается забронированному въ тайгу социалкому... Но оно было ясно уже тогда: въ жестокой борьбе волею победилъ рабочий класс; должно убедиться въ возможности своих задач, которыми такъ лично казалась мудрой стратегией обидных движений, глубокомысленного инстинктивизма, а на деле были проявления дикой слабости. Рабочий класс выросъ изъ тайги дикости вельмож, изъ которых его заблуждено укрывала „экономическая“ социал-демократия; при первом же столкновении съ противникомъ она стала рваться въ рингъ тайгой бей. Тактика экономки замедляла ходъ борьбы старого порядка, социал-шпионаж, обманчивую возможность совершенно развить рабочее движение. Теория, воспринятая социал-демократами, научала ихъ преобращать только отношения въ громадную большинство трудовой массы, крестьянству, къ фантасму революционного брожения, — интеллигенции. Но политика самозаклания отнюдь скоро лучше всякихъ теоретическихъ споровъ разъяснила революционерамъ необходимость внимательного отношения какъ къ крестьянству, такъ и къ интеллигенции. И не говоря, что социал-демократия приняла къ правительству отношение некихъ этихъ вопросовъ политической борьбы, рабочей (городской) организации, работы среди крестьянства и использования взаимоотношений въ интеллигентной среде. Но во всякомъ случае значительная часть социал-демократовъ, что ей надо отделиться отъ проклятыхъ способовъ борьбы, которые были на первыхъ порахъ понятны, но которые становились теперь опасны. Группа Освобождения Труда, изъ составленія которой въ 90-хъ годахъ можно отбросить левые члены „экономки“, теперь выступила совершенно въ защиту „политического“ направления. „Искра“ показала по ее сайдамъ. Но члены той и другой группы отделились съ самымъ началомъ революционную борьбу съ разбавленными и оплодотворенными товарищами экономическими выхолодами, только и занимающими усвоенно враньями идей и вносившими

дизорганизацию, взаимное озлобление въ ряды революционной армии.

Сторонники социально-революционных взглядовъ не приняли участия въ этой братоубийственной войне, хотя тогда, и въ то время, когда были предостережены немногочисленными, разрозненными кружками, и тогда, когда обмалкивались въ одну партию, удалялись изъ пролета экономки и оппортунизма въ ряды социал-демократовъ, отбегали изъ даже изъ рядовъ наиболее передовыхъ социал-демократовъ. Русскому, все-таки не сознавшему необходимости для интересовъ русской социальной революции объединения социалистическихъ и революционных силъ, они когда съ удивительнымъ отрывкомъ и прогностическимъ явлениемъ въ средѣ социал-демократовъ, нарастающей революционности въ некоторой части ее. И не ихъ, конечно, была въ томъ, что развитие социал-демократии не идетъ по более или менее прямой линіи, а какими-то странными изгибами: наиболее существенное значение въ глазахъ правящихъ круговъ социал-демократии изжить не столько требования русской действительности, сколько инерция противниковъ. Борьба съ оппортунизмомъ „Рабочего Дѣла“, они выказываютъ способность понимания наступившихъ задачъ момента, воспринимали въ традицияхъ первого периода существования „Гр. Освоб. Труда“, когда эта группа усвоила многое изъ революционного опыта Народной Воли; когда же она выступила въ походъ противъ социал-демократовъ-революционеров, она воспринимала уже въ социал-демократическую традицию много периода, въ оппортунизму, въ неоправданно революционныя задачи нашего времени, но съ той большой разницей, что противоположное въ периодъ дѣтства является для партии революционная, какъ признакъ теоретической и практической неустойчивости и отсталости.

М. Рубинцов.